

Л. Л. Зайцева

ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В современном законодательстве и практике уголовного судопроизводства все большее внимание обращается на то, что задача разрешения социального конфликта в области правоприменения – это не только наказание, но и примирение [1, с. 170–172]. Наказание необходимо рассматривать как важное, но не единственное и не главное средство борьбы с преступностью. В уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве наряду с наказанием должны развиваться и совершенствоваться системы иных средств воздействия на правонарушителей. Это даст возможность органам уголовного преследования и суду использовать дифференцированный подход при принятии решения в отношении лиц, не представляющих большой общественной опасности.

Институт примирения потерпевшего с обвиняемым является одним из альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта без применения уголовного наказания. Примирительная форма разрешения проблем, порожденных преступлением, предполагает отход от традиционной конфронтации сторон и выдвигает на первый план такие важные результаты, как экономия уголовной репрессии, снижение напряженности в межличностных отношениях, удовлетворение законных интересов жертвы преступления путем возмещения и заглаживания причиненного ей ущерба. Все это, безусловно, такие ценности, которые невозможно игнорировать и которые определяют развитие примирительных процедур во многих странах мира.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК) предусматривает возможность примирения потерпевшего с обвиняемым в двух случаях:

- 1) при производстве по уголовным делам частного обвинения (ч. 2 ст. 26 УПК);
- 2) при прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности (п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК).

Между тем, определение понятия «примирение» в УПК отсутствует, что порождает различное толкование этого термина в юридической литературе. Так, в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова примирение определяется как «прекращение на суде спора между сторонами по добровольному соглашению» [2, с. 819–820]. «Мировая сделка, – отмечал В. И. Даль, – любовная сделка, окончание ссоры, тяжбы по обоюдному согласию на известных условиях» [3, с. 388–389]. Другими авторами признавалось, что «мириться»: 1) прекращать вражду, восстанавливать согласие, мирные отношения; 2) терпимо относиться к чему-либо [4, с. 358].

В. П. Божьев обращал внимание на то, что примирение – это двусторонний акт, требующий согласия не только потерпевшего, но и обвиняемого. Желание сторон окончить дело миром должно быть всегда сознательным, добровольным, искренним [5, с. 21].

По мнению Г. М. Якобашвили, «примирение означает, что потерпевший не просто простил виновного, а снял все свои первоначальные претензии и требования, предъявляемые в порядке уголовного судопроизводства» [6, с. 15]. Его поддерживали и другие ученые, указывая на то, что «примирение означает прощение потерпевшим обвиняемого, согласие потерпевшего с прекращением дела» [7, с. 33].

Более развернуто определяет примирение Х. Аликперов – как отказ потерпевшего от поданного им заявления о привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности или заявление о прекращении в отношении того уголовного дела в связи с достижением с ним мира. При этом Х. Аликперов подчеркивает, что следует четко разграничивать понятия «примирение» и «прощение». Право прощения лица, совершившего преступление, является исключительной прерогативой государства (амнистия, помилование) [8, с. 12].

Своеобразный взгляд на определение понятия «примирение» содержится в статье Е. А. Рубинштейна, который отмечает, что «примирение – нравственное раскаяние в совершении противоправного деяния лица, против которого осуществляется уголовное преследование, непосредственно перед потерпевшим и прощение последним его действий, а также достижение между указанными лицами согласия относительно порядка, размера и срока заглаживания причиненного вреда» [9, с. 165].

В свою очередь, Р. М. Минулин предлагает определить понятие «примирение сторон» как «состоявшееся на основе добровольного волеизъявления и в порядке, предусмотренном законом, восстановление между обвиняемым и потерпевшим взаимоприемлемых отношений, на основе которых урегулирован ранее существовавший между ними уголовно-правовой конфликт» [10, с. 9].

Таким образом, в научной литературе даются различные формулировки понятия «примирение». Многие из них, безусловно, отражают те или иные существенные признаки института примирения, но в то же время не лишены определенных недостатков. Так, в одних определениях рассмотрен лишь процессуальный аспект примирения, без указания на примирение как фактическое обстоятельство. В других – не отмечается такое основание примирения, как заглаживание обвиняемым причиненного вреда. В-третьих – не закреплены процессуальные формы, в которых происходит примирение.

Представляется, что наиболее полным будет то определение, которое объединит в себе основные характерные черты института примирения:

- а) указание на примирение как фактическое обстоятельство;
- б) указание на процедуру примирения;
- в) указание на то, что лицо, совершившее преступление, должно загладить причиненный потерпевшему вред (за исключением случаев, когда потерпевший прощает виновному причиненный вред).

Перечисленным требованиям, на наш взгляд, в наибольшей степени отвечает определение этого термина, сформулированное Е. В. Уховой: «Примирение – состоявшееся на основе добровольного волеизъявления и в порядке, предусмотренном законом, урегулирование между обвиняемым и потерпевшим уголовно-правового конфликта, а также достижение между указанными лицами соглашения относительно порядка, размера и срока возмещения причиненного вреда» [11, с. 45]. Полагаем, что подобное определение целесообразно закрепить в ст. 6 УПК, дополнив ее пунктом 30-1 соответствующего содержания.

Отсутствие в законе детальной регламентации примирения привело к тому, что в УПК фактически сформировались два совершенно различных порядка применения этой процедуры: на основании ч. 2 ст. 26 УПК и на основании п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК.

Согласно ч. 2 ст. 26 УПК дела частного обвинения возбуждаются лицом, пострадавшим от преступления, его законным представителем или представителем юридического лица и производство по ним *подлежит прекращению в случае примирения* его с обвиняемым. В тоже время производство по делам частно-публичного обвинения, которые также возбуждаются не иначе как по заявлению лица, пострадавшего от преступления, его законного представителя или представителя юридического лица, *прекращению за примирением с обвиняемым не подлежит* (ч. 4 ст. 26 УПК). Полагаем, что такая ситуация нуждается в изменении и согласовании с нормами уголовного закона.

Как известно, законодатель, приводя в ст. 33 Уголовного кодекса 1999 г. (далее – УК) перечень преступных деяний, влекущих уголовную ответственность по требованию потерпевшего, не дифференцирует их на дела о преступлениях, относящихся к частному или частно-публичному обвинению. Такое размежевание, на наш взгляд, весьма произвольное, осуществляется в ч. 2, 3 и 4 ст. 26 УПК и не имеет под собой никаких материально-правовых оснований. Однако это влечет, как было отмечено, существенные процессуальные различия в порядке возбуждения, предварительного расследования и судебного разбирательства названных категорий уголовных дел, в том числе и в возможности их прекращения за примирением потерпевшего с обвиняемым.

По нашему мнению, запрет на прекращение производства по делу частно-публичного обвинения за примирением потерпевшего с обвиняемым нарушает принцип диспозитивности, который выражается в свободе потерпевшего распоряжаться не только своими процессуальными правами, но и самим предметом процесса, т. е. обвинением. Поэтому как частное, так и частно-публичное обвинение – это, по меткому выражению В. М. Савицкого, сугубо личное, индивидуальное средство правовой защиты от определенных видов преступных посягательств. И применение данного средства есть специфическое субъективное право гражданина, которым он волен распоряжаться во всем его объеме, включая и распоряжение самим обвинением [12, с. 323–324].

Кроме того, запрет на прекращение производства по делу за примирением с обвиняемым, установленный в ч. 4 ст. 26 УПК, противоречит п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК и ст. 89 УК, которые позволяют принять такое решение по делам о менее тяжких преступлениях и преступле-

ниях, не представляющих большой общественной опасности. К этим категориям преступлений относятся почти все уголовные дела, производство по которым осуществляется в порядке частного-публичного обвинения, за исключением ч. 1 ст. 166 (изнасилование) и ч. 1 ст. 167 УК (насильственные действия сексуального характера).

В ранее действующем законодательстве (ч. 2 ст. 106 УПК БССР) к частно-публичному обвинению относилась только ч. 1 ст. 115 УК БССР (изнасилование). Поэтому все возражения против возможности прекращения производства по делам частного-публичного обвинения за примирением с обвиняемым касались лишь данного преступления.

В настоящее время к частно-публичному обвинению относятся уже 19 составов преступлений, производство по которым прекращению за примирением с обвиняемым не подлежит. В связи с этим все чаще высказываются предложения о переносе многих из них в категорию частного обвинения. Ряд авторов даже считает возможным отнести к делам частного обвинения преступления, посягающие на половую свободу и половую неприкосновенность личности (ч. 1 ст. 166, ч. 1 ст. 167 УК), поскольку они носят сугубо интимный характер. И если потерпевший не желает предавать огласке обстоятельства его личной жизни и достиг примирения с обвиняемым, то следует допустить прекращение уголовного дела с учетом данного обстоятельства [13, с. 91].

Прекращение производства по делу за примирением с обвиняемым должно применяться по всем уголовным делам о преступлениях, перечисленных в ст. 33 УК. Такое решение будет в полной мере соответствовать интересам лица, пострадавшего от преступления, и позволит сократить число дел, направляемых для рассмотрения в суд.

Следует отметить, что в юридической литературе неоднократно высказывались суждения, согласно которым едва ли оправдано выделение частного и частного-публичного обвинения в самостоятельные формы судопроизводства. При этом утверждалось, что обвинение всегда публично, а особенности возбуждения и прекращения отдельных категорий уголовных дел никакого прямого отношения к обвинению не имеют [14, с. 17].

Как справедливо указывает В. В. Дорошков, частное обвинение – это утверждение пострадавшего перед соответствующим органом (судом) о совершении в отношении его преступления, за которое уголовное преследование передано государством на его усмотрение [15,

с. 18]. В этом и состоит частное начало уголовного преследования по всем преступлениям, перечисленным в ст. 33 УК. Публичное начало здесь выражено в том, что государство объявило (признало) соответствующие деяния преступными и гарантирует уголовное преследование лиц, виновных в их совершении, если на это будет желание потерпевшего. Следовательно, правильнее было бы именовать такое обвинение не частным, как это принято в УПК и юридической литературе, а частно-публичным, поскольку оно сочетает в себе оба указанных начала.

Между тем, как бы не называли преступления, указанные в ст. 33 УК, можно констатировать, что все они имеют общую материально-правовую основу. А значит, должны иметь и общий процессуальный порядок возбуждения, расследования и судебного разбирательства.

Однако дела частно-публичного обвинения возбуждаются органом уголовного преследования при наличии заявления пострадавшего, его законного представителя или представителя юридического лица и подлежат предварительному расследованию по общим правилам, установленным в законе (ст. 176 УПК). При рассмотрении таких дел в суде обязательно участие прокурора в качестве государственного обвинителя (ч. 8 ст. 34 УПК).

Дела же частного обвинения возбуждаются путем подачи указанными лицами заявления в районный (городской) суд. По этим делам предварительное расследование не проводится, а обвинение поддерживает сам пострадавший, его законный представитель или представитель юридического лица, который является частным обвинителем (ст. 426 УПК).

Прежде всего указанные лица обращаются с заявлениями или сообщениями о преступлении в органы уголовного преследования. После проведения соответствующей проверки орган дознания, следователь или прокурор разъясняют заявителю право возбудить в суде уголовное дело частного обвинения (п. 4 ч. 1 ст. 174 УПК).

Так, по данным МВД, число прекращенных проверок по заявлениям или сообщениям о преступлениях по делам частного обвинения в 2007 г. составило 14 540, в 2008 г. – 14 417. Согласно же данным судебной статистики количество осужденных по делам частного обвинения в 2007 г. – 750, в 2008 г. – 648 человек.

Как справедливо указывает А. И. Швед, вывод очевиден: свыше 13 тысяч пострадавших после разъяснения органа уголовного преследования о праве обратиться в суд не воспользовались возможностью возбуждения уголовного дела и поддержания частного обвинения в суде [16, с. 23]. А значит, не получили и возмещение причиненного им преступлением вреда.

Практика показывает, что реализация положений закона, устанавливающего обязательные требования к реквизитам и содержанию заявлений по делу частного обвинения (ч. 2 ст. 426 УПК), обязанность доказывания этого обвинения в суде самим пострадавшим (ч. 1 ст. 51, ч. 2 ст. 102 УПК) вызывает определенные сложности у граждан: обычно они не обладают необходимыми юридическими знаниями и навыками участия в судебном заседании. Обратиться к адвокату за помощью в составлении заявления и представлении их интересов в суде многие граждане не могут по причине стесненного материального положения. Поэтому количество дел частного обвинения, рассмотренных судами республики, так невелико.

Кроме того, частный обвинитель далеко не всегда может представить суду необходимые доказательства, подтверждающие его позицию по делу, или даже указать на них. В связи с этим судье нередко приходится выступать в роли дознавателя (следователя), проводить самостоятельно весь объем подготовки дела к судебному заседанию для того, чтобы в дальнейшем самому же вынести приговор. Подобное нарушает принцип состязательности и равноправия сторон, возлагает на суд несвойственные ему функции, на что неоднократно обращалось внимание в юридической литературе [17, с. 7]. Полагаем, что отказ от предварительного расследования по делам частного обвинения в некоторой степени ущемляет и права пострадавшего, который не может обойтись в сборе доказательств без помощи государственных органов уголовного преследования.

Следовательно, установленный УПК порядок возбуждения уголовных дел частного обвинения лишает многих граждан доступа к правосудию и возможности судебной защиты своих нарушенных прав. Такое же мнение высказали многие российские авторы [11, с. 109–110] и более 70 % мировых судей Российской Федерации, где действует аналогичный порядок. Они справедливо отмечают, что на практике доступ к правосудию по делам частного обвинения оказывается сложен и тернист [18, с. 55].

Вследствие этого считаем целесообразным законодательно закрепить единый порядок возбуждения уголовных дел о преступлениях, перечисленных в ст. 33 УК, – по заявлению пострадавшего, которое должно подаваться в орган уголовного преследования. Производство предварительного расследования по таким делам, как предлагается в литературе, должно осуществляться в общем порядке [19, с. 19–21]. Тем самым будет обеспечиваться всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела, необходимое для правильного его разрешения в судебном заседании.

Заметим, что в системе уголовного правосудия некоторых государств, в частности Республики Узбекистан, закреплено правило, в соответствии с которым производство предварительного расследования обязательно по всем уголовным делам, в том числе и по делам частного обвинения (ч. 1 ст. 345 УПК Республики Узбекистан).

Общий порядок предварительного расследования никоим образом не будет исключать возможности прекращения производства по данной категории уголовных дел в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Указанное право должно разъясняться участникам процесса органами уголовного преследования. Если же по делам о преступлениях, перечисленных в ст. 33 УК, примирение с обвиняемым не будет достигнуто, то после окончания предварительного расследования и ознакомления с материалами уголовного дела потерпевший сможет самостоятельно поддерживать обвинение в суде на основании доказательств, полученных органом дознания или следователем. При этом право на примирение должно повторно разъясняться сторонам в судебном разбирательстве, где эта обязанность возлагается на суд.

Вместе с тем вступление в уголовное дело частного обвинения прокурора в настоящее время лишает стороны права на примирение. Имеется в виду случаи, когда уголовное дело данной категории возбуждено прокурором или прокурор по такому делу поддерживает обвинение в суде. В этой ситуации производство по делу за примирением лица, пострадавшего от преступления, с обвиняемым ни в ходе предварительного расследования, ни в ходе судебного разбирательства прекращению не подлежит (ч. 5 и ч. 6 ст. 26 УПК). Таким образом, участие прокурора в делах частного обвинения фактически превращает их в дела публичного обвинения.

Данное правило уже давно подвергается суровой критике со стороны представителей юридической науки. Так, В. В. Воронин по этому поводу писал следующее: «Законодательство... продолжает в той или иной мере игнорировать реально существующий факт, что невозможно и недопустимо привлечение к уголовной ответственности виновных лиц по делам частного обвинения, если пострадавший не желает привлечения к уголовной ответственности виновного лица либо отказывается поддерживать обвинение в суде» [20, с. 73]. Полностью соглашаясь с указанным мнением, полагаем, что даже если прокурор возбудил уголовное дело или по возбужденному им делу настаивает в судебном заседании на осуждении виновного лица, а стороны пришли к примирению, то производство по делу должно быть прекращено.

Следует отметить, что участие прокурора в судебном разбирательстве уголовных дел публичного обвинения не является препятствием для прекращения судом производства по делу с освобождением лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК). Тем более недопустим существующий запрет по делам частного обвинения.

На это обстоятельство обращает внимание и Верховный Суд Республики Беларусь в постановлении Пленума от 31 марта 2010 г. № 1 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения». В нем указывается, что «возбуждение уголовного дела прокурором либо его участие в судебном разбирательстве по делам, указанным в ч. 2 и ч. 3 ст. 26 УПК, не препятствует суду освободить лицо от уголовной ответственности и прекратить производство по делу в соответствии со ст. 30 УПК в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим».

Как справедливо указывает А. Шамардин, продолжение процесса против воли потерпевшего означает подмену его интересов интересами государства, превращение уголовного процесса в неуправляемую машину репрессии, чуждую интересам личности и цели защиты прав человека [21, с. 60].

В названном постановлении Пленума Верховный Суд Республики Беларусь обращает внимание судей на необходимость до начала судебного разбирательства разъяснить сторонам возможность примирения (ч. 4 ст. 427 УПК), «которое позволяет ликвидировать возникший

конфликт и способствует предупреждению правонарушений. С этой целью судья вправе вызвать стороны в суд для совместной беседы».

При производстве по делам частного обвинения нередко возникает вопрос о том, должен ли судья не только разъяснять сторонам возможность примирения, но и принимать активные меры для достижения положительного результата.

Одни процессуалисты полагают, что судьи обязаны принимать все возможные меры к примирению потерпевшего с обвиняемым. Осуществление этой обязанности, по их мнению, заключается в том, чтобы разъяснить сторонам их право на примирение, так и в том, чтобы помочь разобраться в причинах возникшего конфликта и, если это возможно, убедить их в его разрешении на началах добровольного и обоюдного согласия [8, с. 12].

Другие ученые, отрицающие необходимость принятия судьями активных мер к примирению сторон, утверждают, что судьи не должны уговаривать пострадавшего и его обидчика примириться, высказывать свое мнение по поводу конфликта, давать ему свою оценку. В ходе примирительной процедуры судье следует лишь разъяснить сторонам право на примирение, призвать их примириться с целью предотвращения дальнейшего конфликта и напомнить о последствиях такого соглашения, наступающих для обеих сторон [22, с. 18–19].

Принципиально правильной представляется позиция В. В. Дорошкова, полагающего, что «... склонение сторон к примирению – не функция судебной власти, а деятельность иных органов... или общественных организаций» [23, с. 52]. Свою позицию он аргументирует сложившейся в России судебной практикой и данными, полученными в ходе научного исследования, которые свидетельствуют о формальном отношении судей к примирению сторон по делам частного обвинения.

Изучение судебной практики в Республике Беларусь также показывает, что меры по примирению сводятся к вызову сторон в суд и проведению с ними беседы, эффективность которой незначительна.

Чаще всего о праве на примирение стороны узнают из типовых протоколов, с которыми знакомятся при явке в суд на беседу. В этих протоколах право сторон на примирение излагается наряду с другими правами и обязанностями, предусмотренными ст. 43 и 50 УПК, и отдельно судьями сторонам не разъясняется. В некоторых судах имеются специальные расписки (бланки) о разъяснении сторонам права на

примирение. В других судах стороны расписываются в протоколе ознакомления с правами и обязанностями о том, что им разъяснено право на примирение.

Тем не менее прекращение производства по делам частного обвинения в связи с примирением сторон до начала судебного разбирательства в Республике Беларусь носит единичный характер. В основном примирение происходит в подготовительной части судебного заседания после разъяснения сторонам их прав и обязанностей, предусмотренных ст. 43 и 50 УПК, когда судьи специально обращают внимание на возможность мирного разрешения конфликта.

Желание примириться, как правило, фиксируется в заявлениях частных обвинителей и обвиняемых, приобщенных к протоколу судебного заседания, либо отражается в самом протоколе, где удостоверяется подписями сторон. В тоже время встречаются случаи, когда в материалах уголовного дела имеется согласие на примирение только частного обвинителя, а мнение обвиняемого ни в протоколе судебного заседания, ни в его заявлении не отражено.

В связи с этим Верховный Суд Республики Беларусь в вышеупомянутом постановлении Пленума указал: «Если примирение состоялось до начала судебного разбирательства, это должно быть подтверждено соответствующими письменными заявлениями как пострадавшего от преступления, так и обвиняемого».

В российской юридической литературе отмечается, что в судебной практике нередки случаи возбуждения потерпевшим дел частного обвинения с целью шантажа, когда он ставит примирение в зависимость от выполнения обвиняемым тех или иных действий в свою пользу [24, с. 52]. Между тем обвиняемый также может принудить потерпевшего к примирению.

С целью защиты потерпевшего или обвиняемого от незаконного воздействия на него противной стороны, по мнению А. Шамардина, необходима судебная проверка того, не нарушает ли примирение или отказ от обвинения прав и законных интересов сторон. Поэтому примирение и отказ от поддержания обвинения должны утверждаться судом [21, с. 61].

С данным утверждением можно полностью согласиться, поскольку примирение между сторонами должно быть актом добровольного волеизъявления. В связи с этим каждый раз судья обязан

проверять, не является ли согласие на примирение вынужденным: следствием запугивания, угроз противной стороны или ее окружения.

Совершенно иной вариант условий и порядка примирения предусмотрен в п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК. Согласно этой норме суд или прокурор вправе прекратить производство по уголовному делу и освободить лицо от уголовной ответственности в соответствии со ст. 89 УК в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым.

Толкование изложенного позволяет сделать вывод о том, что принятие данного решения возможно как по делам публичного, так и частно-публичного обвинения, поскольку категория дел в законе не указана. Между тем, согласно п. 17 ч. 1 ст. 50 УПК, потерпевший имеет право примириться с обвиняемым только по делам частного обвинения. Аналогичное право предоставлено обвиняемому также лишь по делам названной категории (п. 24 ч. 2 ст. 43 УПК). Кроме того, в ч. 4 ст. 26 УПК установлено, что производство по делам частно-публичного обвинения не подлежит прекращению за примирением с обвиняемым.

Наличие указанного противоречия между приведенными нормами негативно влияет на частоту применения п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК, существенно ограничивая права сторон и возможности органов уголовного преследования и суда в выборе альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов. Полагаем, что гармонизация соответствующих норм УПК позволит устранить создавшуюся коллизию и расширить сферу действия института примирения.

Анализ норм данного правового института в законодательстве Республики Беларусь позволяет сформулировать следующие условия, необходимые для принятия решения о его применении на основании п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК:

1) Преступлением причинен вред физическому лицу, т. е. в уголовном деле публичного или частно-публичного обвинения имеется потерпевший. Если же вред причинен юридическому лицу, то решение о прекращении производства по указанному основанию не может быть принято.

В научной литературе встречаются мнения о том, что прекращение производства в связи с примирением, как правило, невозможно по уголовным делам о так называемых двухобъектных преступлениях. Речь идет о деяниях, основным объектом которых является не человек, а определенные государственные или общественные отношения,

обуславливающие принадлежность преступления к тому или иному виду. Дополнительным же объектом таких преступлений могут быть различные охраняемые уголовным законом интересы потерпевшего, в частности, безопасность жизни или здоровья [25, с. 15]. При этом невозможно достичь примирения с субъектами публичных отношений, являющимися основным объектом охраны, например, с государством в лице тех или иных его органов. Не может быть таким субъектом примирения и прокурор (государственный обвинитель), хотя он и представляет публичные интересы государства. В уголовном судопроизводстве потерпевший и прокурор имеют различный правовой статус, поэтому последний не вправе принимать на себя роль потерпевшего.

И все же полагаем, что с такой категоричной позицией вряд ли можно согласиться, поскольку и в двухобъектных преступлениях возможно примирение сторон. Как известно, в теории уголовного права дополнительные непосредственные объекты преступления делятся на обязательные и факультативные. Так, при разбое (ст. 207 УК) основным объектом выступают отношения собственности, дополнительным – здоровье человека; при заведомо ложном доносе (ст. 400 УК), соответственно, – установленный порядок отправления правосудия и неприкосновенность личности. При этом дополнительный объект является обязательным, поскольку посягательство на основной объект всегда осуществляется параллельно с посягательством на дополнительный объект [26, с. 95].

В приведенных примерах, где дополнительный объект – интересы личности – является обязательным элементом состава преступления, всегда имеется потерпевшее лицо. Следовательно, в этих случаях примирение сторон возможно и допустимо.

Однако дополнительный объект преступления будет считаться факультативным, если деяние только в некоторых случаях может одновременно причинять ущерб и другим общественным отношениям. В частности, при изготовлении фальшивых денег в ряде случаев причиняется вред не только установленному порядку осуществления экономической деятельности (ст. 221 УК), но и дополнительному объекту – имущественным правам отдельных граждан. Однако потерпевшими такие лица не признаются. Следовательно, примирение сторон по уголовным делам о преступлениях, где дополнительный объект является факультативным, действительно невозможно.

2) Лицо обвиняется в совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности, либо в совершении впервые менее тяжкого преступления.

Альтернатива в данном условии появилась в ст. 89 УК лишь в августе 2009 г. Однако, несмотря на столь непродолжительное действие, указанное изменение в законе успело существенным образом повлиять на применение ст. 89 УК: почти в два раза увеличилось количество принимаемых судами решений о прекращении производства по делу за примирением сторон. Так, если в 2008 г. таких случаев в Республике Беларусь было всего 606, то в 2009 г. – уже 1120.

Лицами, впервые совершившими преступления, должны признаваться лишь те, кто совершил одно преступление впервые, т. е. не совершал других преступлений либо ранее совершал, но судимость за предыдущее преступление с них снята или погашена. Лица, которые совершили несколько преступлений (реальная совокупность), за которые осуждаются впервые, не подпадают под действие ст. 89 УК и п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК. Однако если ранее имело место прекращение производства по уголовному делу в отношении данного лица по так называемым нереабилитирующим основаниям, то оно должно быть признано совершившим преступление впервые. Ведь, как и в случае погашения или снятия судимости за ранее совершенное преступление, данное лицо считается несудимым [25, с. 16].

3) Факт примирения потерпевшего с обвиняемым подтверждается письменным волеизъявлением обеих сторон либо их законных представителей.

В законе ничего не говорится о том, каким образом примирение должно быть оформлено и как должен называться документ, в котором этот факт зафиксирован. На практике это происходит путем заявления каждой стороной ходатайства о прекращении производства по делу в связи с примирением. В этом ходатайстве обвиняемый описывает свои действия, направленные на возмещение и заглаживание причиненного вреда, а потерпевший – подтверждает этот факт, указывает об отсутствии претензий к обвиняемому и отказывается от своего требования о привлечении последнего к уголовной ответственности.

Согласно ч. 3 ст. 30 УПК прекращение производства по делу с освобождением от уголовной ответственности в связи с примирением не допускается, если обвиняемый или потерпевший против этого воз-

ражают. Поэтому письменные ходатайства обеих сторон с просьбой о прекращении производства по делу будут лучшим подтверждением их согласия на принятие данного решения.

4) Имеются доказательства, подтверждающие факт заглаживания обвиняемым причиненного преступлением вреда.

Заглаживание вреда означает, что обвиняемый устранил наступившие вредные последствия своего деяния: возместил потерпевшему имущественный ущерб; компенсировал моральный вред; передал потерпевшему определенные вещи и ценности взамен утраченных; обеспечил ремонт автомобиля, пострадавшего в результате преступления; принес извинения в форме, устраивающей потерпевшего, и т. д. Заглаживанием вреда является также предотвращение обвиняемым вредных последствий своего деяния или увеличения их размера: оплата необходимой медицинской помощи, реабилитации, санаторно-курортного лечения, лекарств и т. п.

Представляется, что суд и органы уголовного преследования в спорных случаях не вправе сами принимать решение о форме и сумме компенсации вреда. Если соглашение между потерпевшим и обвиняемым по этому вопросу не достигнуто, примирение не может считаться состоявшимся. Важно, чтобы заглаживание вреда было добровольным и правомерным [27, с. 103].

Отсутствие любого из этих условий означает невозможность принятия решения о прекращении производства по уголовному делу и оно должно быть продолжено в общем порядке.

Однако при наличии всех перечисленных условий принятие указанного решения, согласно ч. 1 ст. 30 УПК, является *правом* прокурора или суда, т. е. их дискреционными полномочиями [28, с. 334]. Если примирение сторон по делам частного обвинения в обязательном порядке влечет прекращение производства по делу (исключения оговорены в ч. 5 и 6 ст. 26 УПК), то примирение по ст. 89 УК должно происходить по усмотрению органов, ведущих уголовный процесс. Такой различный подход законодателя к решению однотипного вопроса вряд ли оправдан и вызывает справедливую критику со стороны многих ученых и практиков как в Беларуси, так и в России. Ведь ст. 25 УПК РФ предусматривает аналогичное *право* суда, а также следователя с согласия руководителя следственного органа и дознавателя с согласия прокурора на прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон.

Представляется, что прекращение производства по делу по данному основанию является одновременно и правом, и обязанностью органов, ведущих уголовный процесс. Их право связано с оценкой доказательств и констатацией соблюдения законных условий для прекращения производства по делу ввиду примирения сторон.

Вместе с тем полагаем, что, если все эти условия соблюдены и каких-либо разумных, конкретных и правомерных аргументов против освобождения лица от уголовной ответственности не имеется, прекращение производства по делу является обязанностью органов, ведущих уголовный процесс. Другими словами, в данном случае дискреционные полномочия суда и прокурора не равнозначны их свободному (диспозитивному) усмотрению [27, с. 104].

Необходимо учитывать, что одной из задач уголовно-процессуального закона является защита прав и законных интересов потерпевших (ч. 1 ст. 2 УПК), а в случае примирения сторон законный интерес потерпевшей стороны состоит именно в прекращении уголовного дела. Поэтому следует признать не основанной на законе и порочной сложившуюся в последнее время в Беларуси и России практику отказа от прекращения производства по делу по данному основанию в ходе предварительного расследования.

На основании изложенного полагаем, что для оптимизации института примирения необходимо внести следующие изменения в действующее законодательство:

- расширить перечень преступлений, которые влекут уголовную ответственность только по требованию пострадавшего (ч. 1 ст. 33 УК);
- отменить запрет на прекращение производства по делу частного обвинения за примирением потерпевшего с обвиняемым (ч. 4 ст. 26 УПК);
- установить общий порядок возбуждения, предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел о преступлениях, перечисленных в ч. 1 ст. 33 УК, в том числе возможность их прекращения за примирением сторон на любой стадии процесса;
- отменить запрет на прекращение производства по делу частного обвинения в связи с примирением сторон в случаях, если в него вступил прокурор (ч. 6 ст. 26 УПК);

- сформулировать определение понятия «примирение» в ст. 6 УПК и разработать его процедуру;
- предоставить право обвиняемому и потерпевшему примириться друг с другом по делам как частного, так и частного-публичного обвинения (п. 24 ч. 2 ст. 43, п. 17 ч. 1 ст. 50 УПК);
- установить обязанность суда и прокурора прекращать производство по делу в связи с примирением сторон при наличии предусмотренных в законе условий;
- предусмотреть обязанность органа, ведущего уголовный процесс, проверять добровольность волеизъявления сторон при их примирении.

Реализация этих предложений позволит обеспечить защиту прав личности при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, гарантировать сторонам возможность самостоятельно отстаивать свои законные интересы в уголовных делах и влиять на ход процесса, будет способствовать организации надлежащего взаимодействия государственных органов и граждан при разрешении уголовно-правовых конфликтов.

Список использованных источников

1. *Несвит, В. В.* Процессуальные аспекты освобождения от уголовной ответственности / В. В. Несвит // Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной принятию нового УПК РФ, 4–6 февр. 2002 г. – М.: Изд-во ООО «Профобразование», 2002. – С. 170–172.
2. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1939. – Т. 3. – 980 с.
3. *Даль, В. И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. – М.: ЭКСМО, 2002. – 736 с.
4. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1999. – 960 с.
5. *Божьев, В. П.* Применение норм уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дел частного обвинения / В. П. Божьев // Советская юстиция. – 1992. – № 15–16. – С. 20–22.
6. *Якобашвили, Г. М.* Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Г. М. Якобашвили. – М., 2002. – 24 с.
7. *Багаутдинов, Ф.* Расширение частных начал в уголовном процессе // Ф. Багаутдинов // Российская юстиция. – 2002. – № 2. – С. 33–35.
8. *Аликперов, Х.* Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Х. Аликперов // Законность. – 1999. – № 6. – С. 12–14.

9. *Рубинштейн, Е. А.* Прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим в УПК Российской Федерации / Е. А. Рубинштейн // *Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной принятию нового УПК РФ, 4–6 февр. 2002 г.* – М.: Изд-во ООО «Профобразование», 2002. – С. 164–166.

10. *Минулин, Р. М.* Примирительная форма разрешения уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Р. М. Минулин. – М., 2004. – 24 с.

11. *Ухова, Е. В.* Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве / Е. В. Ухова. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2008. – 144 с.

12. *Савицкий, В. М.* Государственное обвинение в суде / В. М. Савицкий. – М.: Наука, 1971. – 341 с.

13. *Кувалдина, Ю. В.* Тенденции развития форм упрощенных производств по российскому уголовно-процессуальному законодательству / Ю. В. Кувалдина // *Новый УПК России в действии: материалы круглого стола, Москва, 13 ноября 2003 г.* – М., 2004. – С. 91–94.

14. *Джатиев, В. С.* Обвинение и защита / В. С. Джатиев // *Российская юстиция.* – 1995. – № 3. – С. 17–19.

15. *Дорошков, В. В.* Частное обвинение: правовая теория и судебная практика / В. В. Дорошков. – М.: Норма, 2000. – 144 с.

16. *Швед, А. И.* Легко ли пострадавшему стать частным обвинителем? / А. И. Швед // *Законность и правопорядок.* – 2008. – № 3. – С. 23–27.

17. *Лупинская, П. А.* Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе / П. А. Лупинская // *Российская юстиция.* – 2002. – № 7. – С. 7–9.

18. *Макарецев, А.* Защита прав потерпевших по делам частного обвинения / А. Макарецев // *Российская юстиция.* – 2003. – № 12. – С. 55–57.

19. *Зайцева, Л. Л.* Об оптимизации функции поддержания государственного обвинения / Л. Л. Зайцева, В. М. Хомич // *Законность и правопорядок.* – 2008. – № 3. – С. 17–22.

20. *Воронин, В. В.* Становление, особенности и проблемы российского судопроизводства по делам частного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В. В. Воронин. – Оренбург, 2001. – 115 с.

21. *Шамардин, А.* Примирение сторон и отказ от поддержания обвинения должны утверждаться судом / А. Шамардин // *Российская юстиция.* – 2001. – № 2. – С. 60–61.

22. *Петухов, Ю. Е.* Соотношение публичного и частного обвинения в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю. Е. Петухов. – М., 1996. – 24 с.

23. *Дорошков, В. В.* Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / В. В. Дорошков. – М., 2004. – 58 с.

24. *Шейфер, С. А.* Проблемы реформирования производства по делам частного обвинения в духе расширения частных начал в уголовном процессе РФ / С. А. Шейфер, Н. Е. Петрова // *Государство и право.* – 1999. – № 6. – С. 52–58.

25. Павленок, В. А. О некоторых проблемных вопросах прекращения уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием / В. А. Павленок // Право в Вооруженных Силах. – 2005. – № 10. – С. 15–17.

26. Уголовное право. Общая часть: учебник / Н. А. Бабий [и др.]; под ред. В. М. Хомича. – Минск: Тесей, 2002. – 496 с.

27. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под ред. А. В. Смирнова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 992 с.

28. Мытник, П. В. Прекращение производства по уголовному делу (ст. 30 УПК Республики Беларусь) как альтернатива уголовному преследованию / П. В. Мытник // Судебная практика в контексте принципов права и законности: сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Тесей, 2006. – С. 331–339.

Поступила в редакцию 07.06.2010 г.